

УДК 101:7.01

ПОНЯТИЕ «ВОЗВЫШЕННОГО» В СОВРЕМЕННОМ КРИТИЧЕСКОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Е. А. Найман

Томский государственный университет
E-mail: enyman@mail.ru

Категория «возвышенного» рассматривается как элемент критического дискурса. Рассматривается трактовка данного понятия у основоположников современной европейской философии: Ф. Лиотара, Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси. Главной особенностью этих интерпретаций является рассмотрение возвышенного как онтологического понятия.

Рассмотрение эстетических категорий и их употребление является важнейшей составляющей критической силы дискурсивных стратегий наиболее важных философских направлений минувшего века. В настоящий момент эстетика играет решающую роль в продвижении и развитии философской теории. Современная критическая мысль пытается осуществить онтологическую интерпретацию эстетических категорий с целью обнаружения общего функционального и смыслового определения философской онтологии. Эстетическое знание превращается в методологию анализа метафизического знания. В связи с тем, что онтологические и эстетические проблемы располагаются в фокусе нерепрезентативных аспектов мышления, то эстетика является мощным средством развития «критической онтологии».

Категория «возвышенного» занимает центральное место в интенсивных поисках возможности использования эстетических понятий и проблем при исследовании онтологического познания. Основной тезис данной статьи состоит в том, что современная философская мысль оставляет в стороне эстетический смысл категории «возвышенное» и пытается выявить онтологические и эпистемологические основания этого понятия. Эта задача развивается в направлении рассмотрения данной категории в контексте центральной онтологической проблемы «присутствия».

В рамках постструктуралистского подхода данная категория рассматривается в горизонте сугубо метафизических проблем: соотношения присутствия и отсутствия, бытия и ничто, единого и много, чувственного и сверхчувственного, конечного и бесконечного, свободы и необходимости, ограниченного и безграничного, наличного и негативного представления и других. «Возвышенное» становится средством возвращения к важнейшим целям и задачам философского мышления. Эстетическая категория оказывает помощь в выявлении рефлексивной природы мысли; в ее силах — восстановить основной смысл фундаментального онтологического вопроса, связать теоретическую и практическую сторону деятельности разума, проблематизировать границы эстетического и метафизического знания.

За счет чего данная категория приобретает такую значимость?

Главная проблема «возвышенного» — проблема чувственного представления. Как известно, западная философская традиция непосредственно связывала природу мышления с феноменом репрезентации, не являющегося продуктом чувственных способностей. Указывая на данность объекта субъекту, репрезентация определяется в понятиях «соответствия» и «означивания». Однако существует ряд событий, представление которых ни с чем не соотносимо и не подчиняется логике сигнификации. Такие «взрывные» события европейская эстетика всегда связывала с категориями «прекрасного» и «возвышенного». Подобные состояния знаменуют резкий поворот от репрезентации к чистому присутствию, составляющему главную проблему существования. Именно поэтому данные эстетические сущности с одной стороны указывают на деконструктивные возможности репрезентативной модели, а с другой — вплотную касаются положения «бытия-в-мире».

Уже в кантовской эстетике «прекрасное» и «возвышенное» объединяет одно: чувственное представление. В обоих случаях фиксируется игровой характер представления при отсутствии его объекта. Красота — это то, что приносит удовольствие без представления объекта. Ее априорным основанием является игра свободного воображения и неопределенного рассудка. Возвышенное же непосредственно отсылает к безформенному. Таким образом, переживания возвышенного и прекрасного не подчиняются общей логике репрезентации. И в том и другом случае объект для субъекта в своей целостности не представим.

В «прекрасном» объект чувств, воображения (воображение есть способность представления) согласуется лишь с состоянием свободной игры способностей. Объект в данном случае являет собой состояние свободного согласия между множественностью чувств и некоторым неопределенным единством, которое не может быть квалифицировано в качестве «понятия». Воображение представляет образ, лишенный репрезентативных свойств, поскольку не является объектом. Результатом работы продуктивного воображения становится процесс бесконечного формообразования или формотворчества. Полученный образ — «цель в себе» или, как определял И. Кант, «целесообразность без цели». Единство как результат процесса созерцания,

неразрывно связанного с множественностью, является свободным. Эстетическое представление бесцельно, ибо свободно как от субъекта, так и от объекта. Незаинтересованность удовольствия в «прекрасном» есть следствие его незаинтересованности в реальном существовании объекта.

Этот образ, свободный *Bild*, предшествующий всем репрезентациям и образам, в своей Первой Критике И. Кант назвал *схемой*. Как известно, схематизм для немецкого мыслителя – техника, скрытая в глубине человеческой души. И эта «секретная» техника раскрывается лишь в эстетическом схематизме Третьей Критики. Схематизм, по мысли И. Канта, должен стать эстетическим. Образующийся и проявляющийся мир – не мир объектов, а мир схемы или простого *Bild*.

В «Критике способности суждения» немецкий мыслитель определяет эстетическое суждение как рефлексивную игру воображения, схематизирующего без понятий. Существенной характеристикой воображения в эстетическом суждении является его неопределенность. *Einbildung* действует при отсутствии понятия. Прекрасное – это не вещь и не качество. Прекрасное – суждение чувственности, свободной как от понятия, так и от эмпирического ощущения. Воображение, схематизирующее без понятия, представляет единство, которому невозможно найти соответствия. Оно предъявляет только самое себя, то есть способность представления в момент свободной игры. Продуктивная сила выявляется исключительно в согласии познавательных способностей. Воображение предъявляет единство духа или дух как единство. В этом смысле схематизм становится предвосхищением репрезентации, его основанием. Прекрасное у И. Канта – не внутреннее или внешнее качество. Оно – ни субъективно, ни объективно. Красота – нечто большее, чем простое качество. Она определяет статус и бытие субъекта, формирующего свою способность репрезентации мира феноменов. Логика незаинтересованного удовольствия становится источником познания. Эстетика предвосхищает познание.

Эстетическое, по мнению Ж.-Ф. Лиотара, выступает горизонтом осуществления всей рефлексивной манеры познания: «Любой акт мышления сопровождается чувством, которое возвещает мышлению о его «состоянии» <...>. Для мышления быть информированным о своем положении – значит чувствовать это состояние, быть аффицированным <...>. Такова первая характеристика рефлексии: ослепляющая непосредственность и полное совпадение субъекта и предмета чувств <...>. Чистая рефлексия является первой и самой главной способностью мышления быть немедленно информированным о своем состоянии за счет самого этого состояния при отсутствии каких-либо других средств измерения, кроме как самого чувства» [1. Р. 11].

Однако та же самая нестабильность и изменчивость, приводящая в чувстве прекрасного к согласию, полностью изменяет свою функцию в возвы-

шенном. Возвышенное, так же как и прекрасное, значительно преобразует логику представления. Если красота связана с формой или процессом формообразования, то возвышенное имеет дело с «безграничным», непосредственно связанным с бесконечностью. Таким образом, возвышенное основано на особом виде представления – представлении бесконечного. Однако бесконечное и безграничное не может выступать объектом представления. Каким же образом следует мыслить «представление бесконечного»? И останется ли оно при этом «представлением»?

Дело в том, что проблема возвышенного – это не проблема представления или непредставимости бесконечного. Это – проблема развития и движения «безграничного», совершающегося на границе представления. Бесконечное не может быть взято в значении потенциальной или актуальной сущности. Оно обозначает операцию бесконечного принуждения к вырезанию контура и очерчиванию границ формы. Бесконечное – это постоянные поиски границы и усилия, на них сосредоточенные. Причем, такие устремления должны периодически возобновляться. Бесконечное – бесконечно возрождающееся усилие по поиску формы в бесформенном, которое не может быть наличным. Безграничное – это постоянный процесс одновременного установления и выхода за пределы границы.

Безграничное непредставимо, потому что оно есть жест, операция, а не фактическое положение дел. Ведь, в конечном счете, представление всегда непосредственно и позитивно. Возвышенное не является проблемой репрезентации, потому что по отношению к нему не применимо ни чистое негативное представление, ни позитивное наличие «ничто». При отсутствии какого-либо соответствия и адекватности, возвышенное – даже не представление факта существования непредставимого. Скорее мы имеем дело с ситуацией, возникающей в самом представлении, пронизывающем его, но остающимся непредставимым. Возвышенное – движение, порождающее «безграничное» само по себе. Границы мысли не могут быть даны в качестве объекта: «Граница – не объект для понимания, а его метод» [1. Р. 59].

В этом случае разница между «прекрасным» и «возвышенным» очевидна. Прекрасное пребывает в форме или форме форм, которую оно создает. Возвышенное же существует в наброске, побуждении, намерении, захвате формы, независимо от фигуры, которую эта форма ограничивает, и, следовательно, выступает как абсолютно великое. Прекрасное заключено в его представлении, а возвышенное проявляется в процессе своего движения, которое есть абсолютное перемещение неограниченного по линии границы. Эта проблема очень точно обозначена Ж.-Л. Нанси: «В возвышенном представлении не есть ни нечто представленное, ни нечто непредставимое. Это – не факт, данный субъекту или через субъекта. Представление представляется в без-

граничном» [2. Р. 37]. Однако представление всегда возникает «на границе». Эта граница, по И. Канту, есть граница воображения.

Проблема возвышенного — не проблема больших фигур. Она связана с возможностью существования абсолютного размера, то есть абсолютно великого. Количество, в отличие от абсолютного размера, поддается измерению. Абсолютно великое поднимает вопрос качества. Всякая форма и фигура мала по сравнению с бесконечным. Возвышенное — это то, по сравнению с чем все оказывается бесконечно малым. Оно располагается за пределами сущего, ибо всякое сущее бесконечно мало по сравнению с ним. Воображение как способность представления вправе оперировать лишь образом, контуром и фигурой. А потому существует абсолютная граница воображения, максимум *Bild*. Этот максимум выступает внешней границей воображения, которое получает о нем сигнал через величину таких искусственных и естественных объектов как, например, пирамида или океан. Но эти грандиозные фигуры — всего лишь аналогии для возможности мыслить возвышенное. Однако воображение в силах не только достичь максимума, ощущая собственную границу. Оно способно на большее. В момент столкновения с границей, к нему приходит осознание собственного бессилия. Данная познавательная способность наделена чувством несоизмеримости по отношению к целостности безграничного, выходящего за пределы образа.

Как отмечал Ж.-Ф. Лиотар в возвышенном чувстве «мышление становится бессильным, потерявшим надежду, незаинтересованным в достижении целей свободы посредством природы» [1. Р. 52]. Но в отстранении от соблазнительных природных форм мысль неожиданно осознает свое истинное предназначение. «Моментальная остановка жизненных сил» приводит к «их сильному выплеску» в стремлении к абсолютному: «Это происходит потому, что мышление осознает в [возвышенном] истину того, что оно есть в себе до того, как оно было противопоставлено данному (наличному), которое должно было быть схвачено формами чувственности, собрано в схемы, постигнуто понятиями, оценено в соответствии с благом. Ограничения, формы, схемы, правила понятий, незаконные употребления, иллюзии, которые критика постоянно противопоставляет его силе, не имеют значения, если принять предпосылкой кантовской мысли то, что «мышление существует здесь» и это «здесь» (и этот факт носит абсолютный характер) есть абсолют. Именно это возвещает «голос разума» в возвышенном чувстве и именно это действительно возвышает» [1. Р. 122].

Граница — ключевой момент в жизни воображения. Возвышенное как раз и случается на границе, а точнее — в момент насилия над ней, процессе ее перемещения. Целостность возвышенного — это целостность неограниченного в той степени, в которой оно расположено по ту сторону границы, то

есть за пределами максимума. Целостность возвышенного — ни целостность бесконечного в противоположность конечным формам, ни целостность бесконечного как суммы форм. Единство, обусловленное внутренней границей, является результатом внешней границы, то есть неограниченного. Целостность лишена объектных качеств и не поддается позитивному или негативному представлению. Однако ее нельзя помыслить и в виде единства многого. Такое целое есть бесформенность форм или форма бесформенности, то есть — движение неограниченного. И. Кант назвал это «идеей целого».

Возвышенное касается единого, так же как и прекрасное. Но единое в возвышенном представляет собой постоянную работу воображения на границе формы. В возвышенном воображение имеет дело не с продуктом, а с операцией. Оно «работает» над собственной границей. Достигая границы, воображение превосходит ее. Возвышенное — то и есть избыток переполняющего себя воображения. Покидая границу, наша способность представления становится чрезмерной. И это вовсе не означает, что воображение продолжает воображать за пределами своего максимума. Такая задача для него непосильна. Оно больше ничего не воображает. То, что возможно вообразить — отсутствует. Никакой образ за пределами границы не представим. Однако воображение достигает чего-то большего.

И это «что-то» и есть единое, а именно «Идея» неограниченного единого, находящегося рядом с границей и превосходящего ее. Ж. Деррида в «Истине и живописи» по этому поводу пишет: «Понятие может быть слишком велико, *едва ли не слишком* велико для представления. А потому *Колоссальное* (*kolossalisch*) определяет представление, осуществляет постановку или создает наличное, или, скорее, делает видимым нечто, что не есть вещь, а есть понятие. И колоссальное является представлением этого понятия настолько, что оно не может быть представлено. Не просто не может быть представлено: *почти не может быть представлено* <...>» [3. Р. 143].

Воображение дотрагивается до своей границы, достигает максимума, заглядывая в пустоту. И нет на границе больше фигуры или формы; отсутствует представимое и непредставимое. Однако там присутствует целостность безграничного, возникающая на линии соприкосновения внутренней и внешней границ. Точка пересечения этих границ и может быть названа представлением как таковым. Ведь представление и есть постоянное разделение границы, линия разрыва между фигурой и ее отсутствием. Итак, граница объединена с безграничным. Это и есть целостность, которую предлагает возвышенное. И это единство — результат работы воображения. Ж. Деррида характеризует этот момент так: «Размер колоссального — это ни культура, ни природа, но в то же самое время — и то, и другое. Возможно, он существует между представимым и непредставимым; он есть переход от одного к дру-

гому, равно как и свидетельство их несводимости. Размер, граница, границы разреза; то, что переходит и случается, не переходя от одного к другому» [3. Р. 164–165].

И. Кант не противопоставляет возвышенное прекрасному. Как указывает Ж. Деррида: «Оппозиция может возникнуть только между двумя объектами, которые определены в своих контурах, границах и конечности» [3. Р. 145]. Возвышенное же обнаруживается только в «объекте без формы», в котором «представляется» сама «без-границность» [3. Р. 146]. Ж.-Л. Нанси полагает, что «от прекрасного к возвышенному – один шаг, заключенный в «скрытом искусстве» схематизма» [2. Р. 49]. В прекрасном схема – единство представления; в возвышенном – пульсация единства. И. Кант писал: «Душа при представлении о возвышенном в природе чувствует себя *взволнованной* <...>. Это волнение можно сравнить в потрясении, то есть с быстро сменяющимися отталкиванием и притяжением одного и того же объекта» [4. С. 265–266]. Нанси назвал это чередование – «синкопой» [2. Р. 52]. В красоте – проблема согласия, в возвышенном – синкопированный ритм следов согласия, спазматическое исчезновение (ускользание) границы и переход в безграничное, то есть в ничто. Синкопированность целого в возвышенном – это завершенность синкопы, лежащей в сердцевине схематизма: одновременное объединение и разделение, установление и исчезновение границ представления.

Воображение – то есть представление в активном смысле – достигает границы и отступает внутрь себя. Тем самым, оно начинает присутствовать как «синкопа». Именно через эту операцию воображение постигает свою судьбу. «Собственная судьба субъекта» – «абсолютная величина» возвышенного. Воображение осуждено находиться за пределами образа. Запредельность образу – пребывание на границе, в *Bild* или *Bildung*. Воображение существует на краю образа. Синкопа есть имя схемы. Воображение (или субъект) приговорено к этому синкопированному ритму. Однако воображение-синкопа все же остается воображением, то есть способностью представления. Но каким образом оно заявляет о себе на границе, обеспечивая ее видимость?

Представление границы не может быть дано в образной форме. Образ предполагает границу, в пределах которой он существует и которая его обналичивает. Но способ представления границы состоит в том, что эта граница должна быть достигнута. До нее необходимо дотронуться, с ней нужно соприкоснуться. Возвышенное воображение затрагивает границу, ощущая в этот момент свое «бессилие». Если представление имеет место, прежде всего, в сфере чувств, то возвышенное воображение также чувственно. Однако в этом случае чувственность больше не связана с восприятием фигуры. Она касается чувства границы. Воображение ощущает самое себя, достигая границы. Это чувство выражается в приостановке импульса, разрушении

напряженного усилия, цезуре, расплывчатой и едва мерцающей синкопе.

Возвышенное – это чувство, но не в обычном смысле слова. Оно характеризует эмоциональное состояние субъекта, находящегося в пограничном положении. Здесь субъект «выдвинут», «смещен». При отсутствии такой эмоции не существовало бы ни красоты, ни произведения искусства, ни мысли. Логика самого представления воображения лежит в основании всякого философского разума. Это – эстетическая логика философии. Чувство возвышенного заставляет эту логику вибрировать. Это – логика перехода, движения к границе, схватывания на ней представления. Чувство возвышенного – даже не эмоция, а сам синкопированный процесс представления, происходящий на границе. Это – *чувствительность, связанная с исчезновением чувств*. Возвышенное представление остается представлением, поскольку оно дано чувствам. Но мы наблюдаем чувство особого рода. Это – чувство границы, чувство сверхчувственного, синкопа чувствительности. В нем присутствует боль и удовольствие. Чувство исчезновения субъекта амбивалентно. Оно связано с его утратой. Такое чувство становится показателем движения к сверхчувственным границам Я. Однако безграничность не может быть представлена субъекту. «Скорее это то, – пишет Лиотар, – что разоблачает сознание, низлагает сознание, то, что сознание не может сформулировать, и даже то, о чем сознание забывает, чтобы конституировать себя» [5. С. 345].

В синкопе воображение представляет себя как безграничное, находящееся за пределами фигуры. Здесь присутствует непредставимое, то есть безграничное. В возвышенном, воображение как свободная игра представления входит в контакт со своей границей, которая и есть свобода. Сама свобода и есть граница, потому что ее Идея не может быть образом.

Кантовское «возвышенное» – это проблемск онтологической разницы. В «Бесчеловечном» Лиотар пишет: «Некоторым образом проблема возвышенного очень близко связана с тем, что М. Хайдеггер называл сокрытием Бытия» [6. Р. 113]. Проблема Бытия/не-Бытия возникает за счет чувства тревоги, ожидания или удивления: здесь скорее есть нечто, чем ничто. Все события и представления сопровождают чувство возможности их отсутствия. В результате возникает удивление оттого, что есть нечто, а не ничто. Чувство удивления соседствует с величайшей радостью от случившегося события. Чувство, которое сопровождает все *случившееся*, противоречиво. Это чувство тревоги, или страх, что может случиться ничто, и, как следствие этого, удивление оттого, что все же случается нечто.

В этом внимании к событию, до раскрытия его значимости, с особой силой обнаруживается неизбежная возможность его невозможности, высвечивается необыкновенная хрупкость всякого события. То, что случилось, с равным правом могло и не произойти. Присутствие-событие подразумевает

возможность не-события (несостоявшегося события). В наступлении события мы должны допускать его неизбежную случайность. Возможность того, что нечто может не быть, вызывает тревогу. Но поскольку очевидно, что нечто есть, тревога соседствует с чувством удивления и облегчения оттого, что существует нечто скорее, чем ничто. «Между семнадцатым и восемнадцатым столетиями, — пишет Ж.-Ф. Лиотар, — это противоречивое чувство — удовольствие и [одновременно] боль, радость и тревога, экзальтация и депрессия — в Европе было уже известно и его окрестили (вероятно, неоднократно) *Возвышенным*» [5. С. 347].

Ж.-Ф. Лиотар связывает чувство удивления (*thaumazein*), которое, согласно Платону и Аристотелю, состоит в осознании существования мира, с чувством тревоги и страха перед ничто. Хотя проблема: почему существует нечто, а не ничто в явном виде была поставлена только Лейбницем, удивление и изумление оттого, что существует *нечто*, содержит эту проблему изначально. Чувство удивления включает в себя возможность ничто.

В этом состоянии все аспекты мышления преобразуются. У Лиотара пафос удивления замещается пафосом возвышенного, и такое вытеснение видоизменяет саму задачу мышления. Взамен желания определить *что* [*quid*] есть, мышление устремляется к неопределенному, тайно следующему по пятам *quid*. Задачей мышления становится выстраивание отношения с этой тайной.

Ж.-Ф. Лиотар часто связывает понятие «возвышенного чувства» с еврейским мессианским мышлением (см.: [7. Р. 106]). В еврейском мышлении остро осознается двойное действие чувства тревоги и удивления оттого, что невозможное (действительно) возможно. Если говорить еще точнее, то чувство удивления здесь двойственно. Удивление — не просто чувство изумления, свойственное ранним греческим мыслителям, а шок оттого, что, несмотря на постоянную угрозу ничто, что-то все равно существует. Всегда здесь все-таки что-то есть. Эта двойственная природа чувства удивления указывает путь к новому типу философского мышления.

Понятие «возвышенного» для Ж.-Ф. Лиотара противоположно эллинистической традиции. Способу мышления, открытому случайности представленного события, противостоит мышление, осознающее возможность ничто. Этот способ мышления характеризуется как наиболее фундаментальный, совпадающий с задачей самой мысли. Это чувство онтологического возвышенного, характеризующее философское мышление в его наиболее изначальной форме, имеет мало общего с категорией возвышенного, известной по истории эстетики. «Лиотаровское «возвышенное» скорее есть указание на изначальную связь философского мышления с аффектом возможности не-Бытия, нежели эстетизации философского мышления» [8. Р. 25]. Наиболее фундаментальное обязательство мысли связано именно с этим понятием.

Непредставимое является неукротимым, что и порождает чувство ошеломляющего удивления. Оцепенение — это божественное чувство. Именно с удивления у Платона и Аристотеля берет свое начало теоретическое созерцание. Но если удивление у греков касается целостности наличного, то у Ж.-Ф. Лиотара — изумления от бессмысленного. Именно эта непреодолимая и неукротимая бессмыслица возвращает философию к своим основаниям.

Проблема специфики онтологии становится критической, когда привлекаются дискурсы, являющиеся пограничными онтологическому. Когда вопрос об особенностях онтологии ставится не за счет ее исключительно «внутренней» переработки, а посредством выхода за ее пределы. Рассмотрение эстетических категорий и их употребление является важнейшей составляющей критической силы дискурсивных стратегий ключевых философских направлений минувшего века. Эстетические и онтологические категории в указанных дискурсах аналитически неразделимы. Эстетическая категория «возвышенного» выступает средством развития философского знания и утверждения различных критических позиций по отношению к нему.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 06-03-00340а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lyotard J.-F. *Lessons on the Analytic of the Sublime; (Kant's Critique of Judgment, section 23-29)*. — Stanford: Stanford University Press, 1994. — 164 p.
2. Nancy J.-L. *The Sublime Offering // Of the Sublime: Presence in Question*. — N.Y.: State Univ. press, 1993. — P. 25–53.
3. Derrida J. *The Truth in Painting*. — Chicago: University of Chicago Press, 1987. — 329 p.
4. Кант И. *Критика способности суждения // Кант И. Собр. соч. в 6-ти тт.* — М.: Мысль, 1966. — Т. 5. — 564 с.
5. Лиотар Ж.-Ф. *Возвышенное и авангард // Искусствознание*. — 2001. — № 2. — С. 344–358.
6. Lyotard J.-F. *The Inhuman: Reflections on Time* — Cambridge: Polity Press, 1991. — 315 p.
7. Lyotard J.-F. *The Differend: Phrases in Dispute*. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. — 274 p.
8. Gasche R. *The Sublime, Ontologically Speaking // Jean-Francois Lyotard: Time and Judgment* — New Haven: Yale University Press, 2001. — P. 121–142.

Поступила 08.11.2006 г.